

- культурная деградация территории;
- чрезмерная коммерциализация, сопровождающаяся потерей регионом самобытности, обычаев, ремесел и т.д.;
- усугубление сложных социальных проблем, связанных с наркоманией, алкоголизмом, проституцией; необходимость усиления мер безопасности;
- *экологического характера:*
  - загрязнение окружающей среды (почвы, воздуха, вод);
  - проблемы с утилизацией отходов и бытового мусора;
  - нарушение экологии природных зон (парков, заповедников и других охраняемых объектов);
  - ущерб историческим и природным памятникам.

Таким образом, не только в Костанайской области, но и в Казахстане в целом необходимо обозначить особенности и перспективы формирования и развития регионального туристского продукта, более четко определить целевые секторы туристского рынка, сконцентрировать усилия

областных туристских администраций и предприятий на более выгодных секторах туристского рынка, что, несомненно, повлечет положительные изменения в социально-экономической сфере (создание рабочих мест, вклад в общегосударственные доходы), социокультурной сфере (повышение жизненного уровня населения, сохранение культурного наследия, сохранение финансирования культурно-исторических памятников, усиление чувства гордости местного населения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные по электронному адресу: <http://www.world-tourism.org>.
2. Джанджугазова Е.А. Маркетинг туристских территорий.– М.: Издательский центр «Академия», 2006 – 224с.
3. Котляров Е.А. География отдыха и туризма. – М.: «Просвещение», 1978
4. Статистические данные Управления статистики Костанайской области за 2006 год, за 1-ый квартал 2007 года.

Шевченко Г.В., старший преподаватель
Костанайский государственный педагогический институт

Шевченко. С.Ю., студент
Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова

ПРОБЛЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЭТОСА

Сегодняшний уровень развития технологической мощи в производственной и бытовой сферах с особой ясностью ставит проблему формирования универсальных этических установок экологического поведения перед специалистами-экологами, преподавателями естественнонаучных и гуманитарных дисциплин и всеми, кто способен оказывать весомое воздействие на общественное мнение. Недавно принятый Экологический кодекс РК

внушает экологический оптимизм, в том числе благодаря широким законодательно закреплённым возможностям влияния общественности на экологическую политику предприятий. Это с особенной остротой поставило вопрос о формировании экологического сознания среди неспециалистов, и в частности, экологического этоса как двигателя практической деятельности широких слоёв общества в сфере природоохраны и рационально-

го природопользования. Проблемный характер поставленной задачи объясняется прежде всего реалиями современного информационного пространства, рассмотрение которых невозможно без привлечения понятийного аппарата семиотики и без критики ситуации постмодерна с экологических позиций.

Первым этапом формирования экологического этоса явилось формулирование и распространение идеи устойчивого развития, базирующейся на признании человеческого общества со всей его технологической мощью составной частью земной биосферы. Но идея не сама выбирает плоскость своего ветвящегося развития. Лишь форма высказывания имеет здесь какую-то определяющую значимость, помимо внешних стохастических влияний социальной и научно-технической природы. Вернадский, Одум и прочая «патристическая линия» уже призывали к своим текстам широкие возможности экзегетики. Экологическая наука мается неосуществлённой самосакрализацией. Но сакральность помимо неопитской импульсивности несёт внутри себя ещё одну характеристику – тщету в тени молчаливого большинства. Экологический флеш-моб, вроде симультанно-спонтанной акции по очистке некой заданной территории, несёт в себе нераспадающийся заряд пассивности: самосберегающей созерцательности в нежелании погрузиться в коллапсирующее большинство, в «ад – это другие». Претензия экологического на сакральность имеет под собой два косвенных основания: сакральность техники и вездесущность экономического императива. Надо отметить, что в качестве отрицательной эвристики своего «твёрдого ядра», в качестве своего концептуального центра, экология – с любыми предикатами, даже с предикатом социальная – имеет физически детерминированную природу, существующую вне и помимо человека.

Однако выработка глобального этоса, который является субстратом любой рациональной экологической активности, не может быть осуществлена без перехода понятийного аппарата экологии на новый структурный уровень – уровень текста, и шире – гиперреальности. Причём, этот понятийный аппарат не должен быть отозван филологией или социологией для постановки и осуществления новых исследовательских программ, но имеет необходимость сохраниться именно в качестве экологического аппарата во всей концептуальной полноте. Точкой схождения линий исследования в открывшейся перспективе должна стать выработка эколого-этических инвариантов – императивных структур, внутренне тождественных, но алломорфных относительно своего местонахождения в системе социальности. Массовое стремление перцептировать экологический императив как чувство беспокойства, безусловно, выступает препятствием в выработке универсальных критериев действия и оценки относительно экологической активности. Экологический этос внутри своего эмбриогенеза может позиционировать себя как «действие по ту сторону принципа игры» или как «ренессанс средневековья». Первый вариант самоотождествления – своеобразное очерчивание зоны ближайшего развития [1], разницы между тем, что можно сделать «вместе с другими», и тем, что можешь сделать «сам»; в более радикальной интерпретации – осознание диалектики бытия/становления, необходимое растущему организму экологической этики. Это позиционирование напрямую апеллирует к постмодерну, объявляя экологию его дополнением-противовесом, гегельянским антитезисом. Второй вариант самоидентификации – одновременно и противопоставление экологического этоса вульгарно-материалистическим идеям, коллапсирующим в антропоцентризме; и вместе с тем возврат к

принципам рационального отказа в контексте осознания ограниченности человеческого бытия в априорно бесконечном мире.

При всём при этом любой идеологический или этический концепт должен быть зафиксирован в виде конкретного текста, как для облегчения распространения самого концепта, так и для лёгкости последующих апелляций, возникающих для преодоления дилемм экологического поведения. Но к сожалению, невозможно вместить в один текст высокую теорию и дух обобщения и обобществления мысли, с чёткими очертаниями бытия как быта, с самими вещами, о которых пишешь. И здесь вечное проклятие концептуализации сначала речи, а затем и текста, вечная незавершённость процесса концентрирования смысла, но если этот процесс перейдёт (не)определённую черту, предполагаемую грань общезначимой рациональности – смысл исчезнет вовсе. Здесь и приходит на психологическую выручку растянутая в пространстве-времени автореференция себя как дилетанта, с указанием на более сведущего специалиста, доступного лишь потенциально. В текстах по экологии уход от ответственности осуществляется ссылками на ту же самую экологическую патристику: Вернадского, Одума, Чижевского и Лавлока, при всей спорности гипотетических построений последнего. Эта указанная выше безнадежность при всём при том обуславливает лёгкость рождения идеи, «игривую безответственность синтеза» (Лиотар), безропотную подчинённость разума самооправдывающей ограниченности ресурсов. Всякий скепсис сменяется скепсисом по поводу изначального скепсиса, и уже рефлексивные попытки достичь реальности веры в собственное незнание не могут прорвать пелену императива спокойствия. Было ли когда-то иначе? Смешные поиски «золотого времени» на всех уровнях органи-

зации общества тщетны, потому что смешны. Ведь как только человек стал способен добывать огонь, его деятельность стала обладать могучей экологической силой: здесь и сведение лесов для нужд земледелия и перевыпас скота, возникшие вслед за неолитической революцией. То есть, поиск корней проблемы опустынивания заводит нас в «чёрную дыру» далёкого прошлого, понимание которого лежит вне письменных первоисточников, из-за отсутствия последних. Скепсис в отношении природы и в отношении природы человека поражает нас стремлением к экологической непричастности: если экологическая гармония есть миф, то мы противопоставляем свою реальность этому мифу. Итак: «Скептическая способность есть та, которая противопоставляет каким только возможно способом явление мыслимому; отсюда, вследствие равносильности в противоположных вещах и речах мы приходим сначала к воздержанию от суждения, а потом к невозмутимости» [2]. К этим словам Секста Эмпирика нечего прибавить – возможным видится только отнять, и отнять именно невозмутимость. Ибо нет ничего более беспокійного, чем «молчаливое большинство» внутри и вовне. Артикулируемое молчание – это уже акт замалчивания ценности, истинности – это вновь открываемая безграничность предиката рациональности. Это безграничность ленты Мёбиуса – даже прорвав её, оказываешься всё на той же стороне рациональности. Так в конечном итоге, дискурс «рационального природопользования» не постулируя своей собственной рациональности, обращается к рациональности экономической, построенной на внеприродных категориях. И даже постулируй он собственную рациональность, последняя бы замкнулась сама в себе, образовав новую ленту Мёбиуса. Для предупреждения свёртывания аксиологического дискурса в одно-

мерность необходимы привязки к социальной, социокультурной или иной надприродной реальности, но молчаливое большинство не способно к сдвигу своей рациональности, ибо эта узкая рациональность, в конечном итоге, неотличима от безумия. «Безумие, тебе не бывать больше предметом двусмысленной хвалы, где мудрец устроил для своего страха недоступное логово! И если он все же чувствует себя в нем уютно, то исключительно благодаря тому, что главный работник, испокон веку роющий галереи и лабиринты его убежища – это разум, тот самый Логос, которому он верно служит» [3]. Там, где кончается «великое переселения» различных типов рациональности, вызванное нелокализуемым ни в какой реальности бегством от свободы, – там мысль, предоставленная собственной нежизнеспособности, жмётся в белизну малотиражных страниц. Статьи о необходимости природоохраны предназначены экологам, предназначены в качестве успокаивающего шума – шума, якобы начавшейся «глобальной уборки».

Но не только манифестированием тщеты и малобюджетности занят экологический дискурс, погрязший в скепсисе относительно глобального будущего – скепсисе, сочетающимся с полным отсутствием даже попыток к авторефлексии. Точкой схождения различных линий построения и тиражирования природосберегающего концепта является необходимость укоренить последний в каком-либо аспекте бытия. Ряд этих аспектов протягивается от экономического бытия через социальное, научно-техническое, к бытию культурно-историческому. Сторонники экономического подхода ссылаются на «небольшие затраты на природоохрану в сравнении с затратами на ликвидацию последствий нерационального природопользования» [4]. Неучтённым остаётся тот факт, что ликвидируется, в лучшем

случае, «основные» последствия крупных выбросов, сбросов или действий по размещению твёрдых отходов, в то время как последствия мелких актов технологического загрязнения и непрямые последствия крупных актов чаще всего вообще не ликвидируются. К тому же ликвидация следует за непосредственным производством продукта и получением экономической прибыли, тогда как затраты на совершенствование технологического цикла предшествуют получению прибыли. Отсюда следует нехитрый вывод: экологически чистый продукт в настоящее время – роскошь. К тому же сложно представить, чтобы экологический императив был сколько-нибудь значим для производителя – только при согласованных действиях потребителей, отказывающихся пусть даже в убыток себе пользоваться продуктами, полученными в результате нанесения непоправимого вреда окружающей среде. Однако и масштабы и действенность такого возможного отказа зачастую преувеличиваются, что, впрочем, не является причиной для отмены программ по экологизации экономической структуры как на макро-, так и на микроуровне.

Представители второй линии концептуализации экологического императива в массовом сознании в гораздо большей мере опираются на строгие категории и легко верифицируемые данные естественных и точных наук, на основе которых делаются более широкие философские обобщения. Естественнонаучная, технологическая информация и информативно-методологическая база статистической социологии составляют оптимальную базу для серьёзных футурологических выводов и предостережений, которые благодаря своей трансгрессивной значимости имеют возможность укорениться в массовом сознании, а не быть отброшенными как очередные «апокалиптические мифы». Важнейшим же из футурологи-

ческих выводов является следующее утверждение: «Длительный период условной свободы человечества от законов, которым подчинена биосфера, закончился... Цивилизация оказалась перед лицом экологического вызова»[5]. Этот ясный подход к укоренению экологической рациональности в широком пласте социокультурного бытия, которым является общее и специальное образование, видится оптимальным для применения именно в среде массовых коммуникаций, чьим предметом выступает общезначимая научная рациональность. Экологическая футурология и социальная экология должны и могут с лёгкостью стать концептуально-значимыми частями общеобразовательного и специального курса естественнонаучных дисциплин.

Обращение к культурно-историческому бытию является наиболее ярким выражением кризисного состояния экологической рациональности. Лишь в условиях терминального состояния отдельно взятого сознания, экзистенции, происходит подобное обращение. Наиболее яркими примерами здесь могут выступить работы Ясперса, Шпенглера, философов русской иммиграции 1920-х: С. Булгакова, Н. Бердяева, Г. Вернадского. Рефлексией о традиционных ценностях в рамках экологического дискурса занят и Е.Борейко в своих работах «Сакральная экология» и «Экологическое в Библии». Несомненна популяризаторская значимость этих книг, однако сакрализация экологического знания перед лицом «молчаливого большинства» скорее вызывает реакцию отторжения по отношению к нуждающемуся в подпорках зданию экологической парадигмы поведения. Лишь там, где природоохранный пафос является органической частью некоего монументального морально-

этического и вообще мировоззренческого императива познания и действия, можно говорить о действительно глубокой экологизации сознания. Но подлинное постижение подобной целостности невозможно в рамках «молчаливого большинства», трудновыполнимо и для обыденного массового сознания. Подобная глубокая этичность необходима прежде всего людям, производящим социокультурную реальность экологического дискурса: специалистам-экологам, преподавателям биологических и гуманитарных дисциплин, работникам СМИ.

Таким образом, экологический этос не может существовать сам по себе: мысль об экологических проблемах не может быть просто высказана – выброшена в глобальное информационное пространство, она должна быть укоренена в трёх сферах человеческого бытия: в экономической – как практическая рекомендация для действий производителя и потребителя; в научной и образовательных сферах – как неотделимая часть курса естественнонаучных и гуманитарных дисциплин; и в культурно-исторической – как область познавательной и творческой деятельности эколога, преподавателя, журналиста, философа и художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.С. Выготский. История развития психических функций. – М., 2001.
2. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений. – М., 1976.
3. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. – М., 1998.
4. Р.Г. Хлебопрос. А.И. Фет. Природа и общество. – Новосибирск, 1999.
5. В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М., 2000.